

ТАЙНЫЕ МИРЫ

АЛЕКСАНДР
АКСЁНОВ

ЗЛОДЕЯНИЯ
НЕЧИСТОЙ
СИЛЫ

Александр Петрович Аксенов

Злодеяния нечистой силы

Серия «Тайные миры»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69271657
Злодеяния нечистой силы: Родина; Москва; 2023
ISBN 978-5-00180-834-3*

Аннотация

О колдовстве и порче, о мести нечистой силы. О грехах против Бога, о постах, установленных церковью, о злых днях и часах и о многом другом рассказывается в книге удивительного человека, знахаря от Бога Аксенова Александра Петровича.

Практические советы по лечению травами помогут вам излечиться от многих заболеваний.

Книга учит добру, любви, взаимопрощению и взаимопониманию, рассчитана на широкий круг читателей.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Антропологическое предисловие	5
Предисловие автора	23
Притча о святом императоре Павле Петровиче	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Аксенов

Злодеяния нечистой силы

*** * ***

© ООО «Издательство Родина», 2022

Антропологическое предисловие

Марат Низматулин,

Эвелина Катайцева

Россия – удивительная страна. Удивительна она в том числе и потому, что русский традиционализм не имеет ни аналогов, ни каких-то очевидных параллелей в мире.

В наше время мнящие себя умными либеральные публицисты любят указывать, думая, что указывают на что-то важное: мол, власть говорит о «традиционных ценностях», но на самом деле Россия – страна низкой рождаемости, высокого процента разводов, низкой религиозности и прочего, и прочего, и прочего.

Иными словами, либералы верят в одну максиму: «традиционные ценности» возможны только в стране аграрной, с развитыми семейными горизонтальными связями, с корпоративным, почти сословным рынком труда, с верующим населением и с непременным запретом аборт.

Что ж, тут необходимы некоторые пояснения.

Действительно, если мы говорим о том наборе «традиционных ценностей», какой обычно сейчас продвигает государство и разные околосударственные структуры, – то да, безусловно, всё это так.

Это так, и смысла отрицать этого нет.

Многодетная многопоколенная семья, во главе которой стоит патриархальный Отец, ценовая структура ремесленного производства (а позднее и корпорации аналогичные американским «белоботиночным» фирмам или японским дзайбацу), обязательное посещение церкви по воскресеньям, навязчивое желание «не отставать от Джонсов», переживания по поводу девственности (для девушек по поводу её сохранения, для мужчин – по поводу её скорейшей потери), страх перед абортами и иностранцами – всё это наши отечественные идеологи, как охранительнице, так и либеральные, называют «традиционными ценностями». Именно это они хотят выдать за «традицию». При этом они не забывают про такие слова, как «консерватизм» или «религия», тем самым ещё более осложняя наш анализ.

На самом деле тут мы наблюдаем чудовищную путаницу и подмену понятий: притом трудно различить, где заканчивается одно и начинается другое.

Итак, попробуем прояснить.

Хотя многим в России такие моменты кажутся незначительными, на самом деле между такими понятиями, как традиционализм, консерватизм и религиозность находится пропасть. Эти понятия не просто различны, но во многом и враждебны друг другу. Хотя наши публицисты любят заменять одно другим, не особо заботясь о смысле, мы считаем необходимым разделять эти понятия. Для этого воспользуемся нормативными, признанными в западном мире опреде-

лениями.

Традиция – жизненный уклад доиндустриального общества, существующий в передаваемом из поколения в поколение виде. Он может изменяться от страны к стране и от эпохи к эпохе, но суть его не меняется никогда. Эта суть именуется примордиальной традицией. Традиция вариативна по форме, но универсальна по сути.

На первый взгляд это может показаться парадоксальным утверждением, но в реальности оказывается именно так.

Возьмём, к примеру, такую традиционную практику, как самоубийство чести.

Оно было широчайше распространено и в России, и на Западе, и в Японии, Китае, Корее, в Индии и на Ближнем Востоке.

Суть его в том, что человек, совершивший бесчестящий поступок, либо же униженный убивает себя, тем самым через смерть очищая свою честь от позора.

Эта практика (равно как и необходимое для неё представление о чести и бесчестьи) была распространена повсеместно, везде принимая различную форму: в Японии это всем известные обычаи харакири (у мужчин) и дзигаи (у женщин). В России и на Западе офицеры харакири обычно не совершали (хотя позднее, после знакомства западной общественности с японскими обычаями, бывали и такие случаи). Вместо этого они стреляли себе в голову.

Точно так же обстоят дела и с женскими самоубийства-

ми чести: если японки при их совершении перерезали себе яремную вену, то русские женщины обычно топились в водоёмах.

Об общности русских и японски самоубийств чести может говорить и очевидное сходство между японскими поверьями о юрэй и русскими о мавках, вилах и русалках. В обоих случаях это мстительные женские духи – неуспокоенные души покончивших с собой или зверски убитых женщин.

Таким образом мы видим общность традиции при наличии у неё внешних отличий.

Точно так же в традиционных обществах может отличаться содержание такого понятия, как честь, но само его наличие совершенно обязательно.

Традиция, как мы отметили, имеет универсальный характер, но при этом для каждой страны уникальна. Она суть архаическая, докапиталистическая и доиндустриальная. Более того, она враждебна рыночным механизмам и всегда вступает с ними в неизбежный конфликт. В то же время она не обязательно феодальная и патриархальная по своему происхождению.

Вообще отношения традиции с такими понятиями, как патриархат, религия и национализм более чем сложное.

Вопреки заблуждению, традиция не тождественна патриархату.

Она может включать патриархальные, но вместе с ними включает обычно и матриархальные. Многие традиционные

практики не имеют выраженной гендерной направленности.

Более того, даже т. н. «патриархат отцов» – явление довольно позднее, в Западной Европе окончательно оформившееся вместе с пуританской этикой и имеющее скорее раннеиндустриальный характер.

Не тождественна традиция и религии.

Строго говоря, развитое религиозное сознание является достижением очень небольшого числа людей. В этом оно подобно позитивистско-научному или метафизическому сознанию.

В реальности очень небольшое количество людей на планете строго придерживается заповедей или шариата, соблюдает все установленные религией посты и ограничение, проводит обряды и посещает молельные заведения, не примешивая при этом к своей вере элементы народного язычества или местных верований.

Так, многие православные в России признают существование и колдовства, и ведьм, и различной славянской нежити, и даже ауры, «энергии космоса» и прочего. Это никак не стыкуется с канонами официальной церкви. Христиан, мусульман или представителей других конфессий, строго соблюдающих все указания своей веры без примесей язычества или суеверий, – сущие единицы.

Развитое религиозное, теологическое сознание предшествует метафизическому и научному. Строго говоря, оно догматично и антитрадиционно.

Так, это можно показать на примере. У русских до настоящего времени есть традиция празднования Ивана Купалы, гадания на Святки, купания в проруби на Крещение. Долгие годы в России существовали традиции снохачества и других форм институционализированного и одобряемого обществом инцеста. Существовали традиции адюльтера и поклонения различным языческим существам, даже демоническим (начиная от задабривания домового до откровенно сатанинских обрядов на кладбищах).

Такие традиции существовали и существуют не только у русских, но и у всех народов, когда-то насильно крещённых в авраамическую веру.

Всё это – традиции, но в то же время эти традиции (даже купание в проруби на Крещение) суть языческие, народные и антихристианские. Церковь веками боролась с ними (пусть чаще лишь формально).

Таким образом, институт официальной церкви по крайней мере в христианских и мусульманских странах чаще всего играет антитрадиционную роль, роль гонителя, а не хранителя традиций.

Национализм тем более враждебен традиции. Сам по себе он – явление буржуазное, индустриальное, являющееся следствием образования национальных рынков и подъёма «городского класса» – классической буржуазии. В этом смысле он разрушает и разоряет традицию.

Традиция по своей сути антинационалистична, а време-

нами даже анархична. Она просто не признаёт таких понятий, как нация, государство, общенациональные интересы. Для неё нет Отечества в современном буржуазном понимании.

Она не признаёт нации: для неё нет русских или немцев. Есть отец и мать, есть господин, которым может быть как феодал, так и цеховой мастер, есть сельский староста или казачий старшина, есть поп или знахарь, есть старший по возрасту, старший по роду (более знатный) и старший по званию. Есть связи вассалитета и взаимных обязательств, представления о долге господина перед его подчиненными и подчиненных перед господином. Все подобные связи очень конкретны и вполне ясны. Само представление о том, что миллионы совершенно разных людей, не связанных между собой ни родством, ни контрактом, ни гласными обязательствами, ни происхождением, ни даже прямыми хозяйственными связями, которые не знают друг друга и подчас друг друга ненавидят при этом составляют некую общность под названием «нация» — для человека традиционного сознания представить подчас затруднительно.

При этом надо отметить, что традиция недогматична и может впитывать в себя отдельные элементы даже явно враждебных ей построений, абсорбировать их и делать их безопасными для себя: именно так русские крестьяне приспособливали под свои нужды православие, а затем социализм и национализм.

Итак, с традицией мы разобрались. Соответственно, традиционализм, исходя из нашего анализа, – это приверженность традиции, желание возродить докапиталистические по своему происхождению практики в современном обществе.

Теперь нужно понять, что такое консерватизм и чем он противостоит традиции.

Консерватизм – явление позднее, относится к концу восемнадцатого века. Важное уточнение: явление это изначально буржуазное.

Консерватизм возник как политическая идеология крупной и средней буржуазии, уже добившейся власти и отбросившей либеральные и демократические фразы как более не соответствующие ни её духу, ни её целям.

Отныне крупная буржуазия желала сохранить и упрочить свою власть, избегая как опасных реформ, так и возвращения к феодальным порядкам. При этом буржуа понимали, что дальнейшей демократизации общества им вряд ли удастся избежать: уже в начале XIX века пока относительные успехи движения чартистов в Англии, действия левых на континенте очевидно говорили о том, что рано или поздно избирательное право будет дано и беднякам, и женщинам, и даже туземцам.

Именно поэтому если традиционализм желает романтического возврата к «старым временам», «возрождения древних нравов», то консерватизм ставит перед собой куда более утилитарную задачу – тормозить социальный прогресс лю-

бой ценой.

Приведём несколько примеров для того, чтобы показать разницу между традиционалистами и консерваторами.

Так, возьмём важный вопрос последнего времени – бодипозитив.

Традиционное отношение к человеческому телу в принципе довольно бодинейтрально. Человек традиционного общества обычно живёт без особых рефлексий на этот счёт. Он просто не обращает внимания на наличие или отсутствие волос в некоторых местах его тела, на изменения веса или постепенное облысение.

Если он занимается физическими упражнениями, то его целью обычно является не красота тела, а ловкость, сила, гибкость, скорость или же боевые навыки, то есть вполне конкретные физические качества, но внешний вид.

Традиция не склонна стыдить человека за полноту (подчас напротив, за неё она как раз хвалит). Полнота не ассоциируется в ней с ленью, а сама лень традицией не стигматизируется. Вообще стигматизация лени – сомнительное достижение индустриальной эпохи и протестантской, преимущественно пуританской, этики.

При этом традиция никак не поощряет чрезмерные рассуждения о теле, придания ему чрезмерной важности. Оно выступает либо как тленный и по недоразумению необходимый сосуд для души, либо как божественное творение, прекрасное и заслуживающее заботы, но не обязанное соответ-

ствовать некой единой «норме».

В любом случае традиция никогда не придаёт телу перво-степенного значения, а часто не придаёт ему и вообще никакого значения, кроме утилитарного.

В традиционном обществе вряд ли кому пришло бы стыдить девушку за худобу или полноту: если она худа, то значит плохо питается или болеет, а это не её вина; если она полная, то это не плохо, а хорошо.

Более того, традиционное общество вообще подозрительно смотрит на ситуацию, когда кто-то (особенно мужчина) чрезмерно обращает внимание на особенности женского тела. Так что подобные комментарии были бы быстро осажены со стороны старших или общины.

Таким образом традиция как раз оказывается бодиней-тральна или даже бодипозитивна.

Совсем иное дело обстоит с консерватизмом.

Современные консерваторы (преимущественно они себя называют неоконсерваторами), так активно пытающиеся противодействовать бодипозитиву, – ориентируются не на опыт доиндустриальной эпохи, а на конвенциональные нормы красоты, притом довольно поздние, в лучшем случае 1950-х, а чаще 1970-1980-х или даже 1990–2000 годов.

Так, бритьё ног и интимных мест у женщин, похудение, фитнес, пользование косметикой и прочее относятся в основном к практикам второй половины двадцатого века.

Традиция скептически (хотя и без явного неодобрения)

смотрит на использование косметики, на вообще любые попытки модификации тела с целью понравиться другим, распознавая эти попытки как лицемерие.

Не вписывается в традиционные представления и фитнес. Физкультура в традиционном обществе вообще существует либо для здоровья, либо как часть военного дела, либо как особая форма жертвоприношения богам. Такая профанизация этого занятия как фитнес для традиции весьма болезненна.

Однако консерваторам нет дела до того, как было в глубокой древности: их интересует то, что было лет десять или двадцать назад. Именно поэтому они настаивают на том, что все девушки должны худеть и брить ноги: ведь так было в 2000-е, а значит, так было всегда.

Таким образом традиционалисту следует радоваться тому, что сейчас появились движения за бодипозитив и бодинейтральность. Консерватору же остаётся кусать локти.

Это же касается и сексуальной объективации женщин.

В традиционном обществе вообще, как ни смешно, нет такого понятия, как секс – то есть половой акт, совершаемый для удовольствия.

Любовь возносится традицией на пьедестал, но сексуальность при этом исторгается или вводится в очень жёсткие рамки.

В любом случае, в традиционном обществе половой акт может иметь ритуальные или репродуктивные функции, но

никак не рекреационные.

Именно поэтому любая сексуальная объективация женщины рассматривается как подозрительная или прямо враждебная.

Даже храмовая проституция, сексуальные обряды скандинавов, связанные ко всему прочему с приёмом спорыньи, некоторые практики тантры не ставят целью получения удовольствия ни для мужчины, ни для женщины. Напротив, они подчас болезненны, насильственны и несут участникам только страдание.

Таким образом, традиционалист только поддержит сегодняшнюю борьбу против объективации женщин.

Консерватор же, ориентирующийся не на далёкое прошлое, а на времена своей молодости или просто относительно недавний период, – будет доказывать необходимость наличия полуголых полногрудых девушек в кино, компьютерных играх и прочем.

Другой пример: в IX–X веках католическая церковь открывала при своих монастырях больницы и абортарии. За это её в пуританском XIX веке стыдил либеральный публицист Лео Таксиль.

Требовать возрождения католических абортариев, используя аргумент «так тысячу лет назад жили» – это традиционализм, а требовать запрета абортов – это консерватизм.

Наконец, третий пример, касающийся педофилии.

Это – в высшей степени традиционная практика. Знаком-

ство с сексуальной сферой в традиционном обществе вообще чаще всего происходило посредством растления родителями, то есть через педофилию и инцест. Такая ситуация сохранялась даже в буржуазном европейском обществе даже в начале двадцатого века.

Традиционалист, следовательно, должен поддерживать идею вновь легализовать педофилию.

Консерваторы, наоборот, являются первыми борцами с ней. Именно они повсеместно продавливают репрессивные законы под лозунгами борьбы с растлением детей.

Как же обстоят дела с традицией в России?

Говорят, что неважно.

С одной стороны, как писал покойный Егор Просвирнин, «русский национальный костюм – это не косоворотка, а военный мундир». То есть русские существуют в некотором роде не как нация (как существуют французы, поляки или даже немцы), но как огромная масса людей, которая составляет ядро Империи, выступает строительным материалом для грандиозных государственных проектов. Быть русским – значит быть рабом государства, всю жизнь посвящать ему, получая взамен одни оплеухи и при этом не только быть довольным такой ситуацией, но и прямо подпрыгивать от неё от радости.

У нас нет никакой этнокультуры: выдавать за таковую кокошник с балалайкой и лапти с косовороткой – издевательство над великим народом.

Отчасти именно поэтому у нас нет и никакой «традиции» в привычном для Запада и даже Востока понимании.

С другой стороны, привычен аргумент либералов о том, что русские люди давно уже ничем не отличаются от европейцев, и только правительство нам мешает.

Мол, нет у нас ни патриархальной семьи, ни «чувства хозяина», ни связи народа с почвой (!), ни ещё чёрт знает чего. По проценту разводов мы впереди всех, как и по уровню самоубийств. Зато уровень рождаемости у нас низкий.

Следовательно, констатируют либералы, у нас не может быть никаких «традиционных ценностей», кроме тех, что навязало наше правительство.

Ну, что на это можно сказать?

Во-первых, правительство у нас под видом «традиционных ценностей» навязывает новомодные придумки американских консерваторов, к русским традициям и Традиции в целом не имеющие никакого отношения.

Если бы у власти в стране действительно были традиционалисты, – нам бы сейчас навязывали на государственном уровне инцест в разных формах, педофилию в качестве лучшего полового воспитания, кровную месть, матрицид и самоубийства чести. И вместо того, чтобы отговаривать подростков кончать с собой из-за неудачи на экзамене или несчастной первой любви, – учителя бы сами инструктировали своих воспитанников на предмет лучших способов уйти из жизни.

С точки зрения традиции суицид – абсолютно нормальное явление. В России культура самоубийства по разным поводам развита не меньше, чем в Японии или Корее. Кстати, мы стоим на первом месте по числу самоубийств как в абсолютном, так и в относительном исчислении, далеко обходя других лидеров списка – Республику Корею и Японию. Обходим мы их также и по числу самоубийств среди подростков. Впрочем, мы лидируем во всех возрастных категориях уже последние тридцать лет (до этого статистика не публиковалась).

Самоубийство – очень традиционная и очень распространённая в России практика. Точно так же как и неполная семья.

В отличие от украинцев или кавказцев, жители Русской равнины вели хуторное хозяйство, жили крохотными поселениями, занимались в основном охотой и собирательством.

Так, до XVI века основным продуктом питания для русских было бобровое и птичье мясо, и лишь в наименьшей степени – хлеб.

Это вызывало явление отходничества, когда мужчины долго покидали свои дома сначала для занятия собирательством (эта практика дожила на Русском Севере до нашего времени; там и сейчас мужчины и женщины на месяцы уходят в тайгу на сбор ягод), а позднее и для работы на государственных и частных заводах, бурлачества или батраческого труда на помещтных землях.

Девственность в Центральной России имела очень низкую ценность, на Русском Севере – вообще отрицательную. Точно также как смена половых партнёров для молодых девушек не стигматизировалась (слово «блудница» обидным не было; оно обозначало, что девушка «блуждает» в поисках мужа).

Вот так мы и приходим к весьма парадоксальному выводу: как ни крути, Россия осталась очень традиционной страной. Просто традиции у нас специфические (как, впрочем, и у других).

Наш высокий уровень самоубийств, высокий уровень разводов, психических расстройств, развитая культура насилия, вообще многие явления отечественной жизни происходят не оттого, что мы ушли от наших традиций, – наоборот, это и есть наши традиции.

Так, те же психические расстройства в традиционной культуре во многом не стигматизированы, особенно в нетяжёлых формах.

Скажем, человек с симптомами лёгкого ПРЛ мог бы без проблем вписаться в традиционное общество, но с трудом вписывается в общество современного капитализма.

Разумеется, отечественные традиции сохранились даже вопреки многим разрушительным действиям властей, в некотором роде приспособившись к ним.

Во многом этому помогло то, что в России традиции не институционализировались, как это было на Западе или, скажем, в Японии.

Отсутствие институционализированной традиции в нашей стране заставляло некоторых либеральных публицистов и вовсе утверждать, что никакой традиции у нас нет: мол, если дедов дом три раза горел (частая проблема на Руси) и отстраивался ещё при жизни деда, – как могут внуки хранить хоть какую-то память о дедовых временах?

Однако традиция – это не формальная и абстрактная «память». Это живое действие. Это передача огня, а не поклонение пеплу (особенно примечательно в примере с домом).

Совершенно буквально это проиллюстрировал Юкио Мисима: чтобы сохранить традицию, надо сжечь храм.

По этой же причине в «Жизни на продажу» того же Мисимы хранительницей традиции внезапно (именно внезапно) оказывается девушка-хиппи Рэйко, которая, казалось, никак не могла бы справиться с такой ролью.

Традиции в других странах оказались выхолощены во многом именно потому, что были институционализированы, и враги их сразу знали, куда бить.

В России традиция была стихийна, она мимикрировала, точно трикстер, под господствующий нарратив, во многом определяя его.

Как писал советский философ Михаил Лифшиц, классика в трудные годы ищет «щель», где может укрыться, чтобы потом выйти на свет. Классика в лифшицианском понимании не тождественна традиции, но во многом ей дружественна.

Российская традиция никогда не институционализирова-

лась, а потому она вечно находится в становлении. Она вечно молода, для неё в некотором роде продолжается «мифическое время».

Это значит, что мы так и живём в эпоху богов и великих героев. Наша традиция начинается прямо здесь и сейчас, как начиналась она и сто, и триста, и тысячу лет назад.

Однако, мы отвлеклись.

Итак, перед вами – один из важнейших текстов русского традиционализма.

Текст это совершенно дикий. Найти такую дичь где-то ещё было бы очень затруднительно. Написан он одним знахарем из Горловки около 1996 года, что уже символично ввиду последних событий.

В сущности, этот текст не только доказывает тот факт, что многие традиционные практики колдовства и магии были живы в русскоязычной (и не только) части Украины ещё на рубеже восьмидесятых и девяностых годов прошлого века. Вкупе с остальными текстами «аксёновского корпуса» он вполне тянет на «русское Хагакурэ».

На самом деле трудно представить более дикую и более традиционную книгу на русском языке.

Здесь текст публикуется с некоторыми сокращениями, однако самую дичь мы оставили. Читать советуем всем и каждому. Вот тут – настоящие традиционные ценности, а не то, о чём говорят по телевизору.

Предисловие автора

За годы, прошедшие после Октябрьской революции, наш народ превратился в Иванов Непомнящих. Мы потеряли свои обычаи, традиции, культуру. Революция, коллективизация, войны, целина, освоение Сибири и Дальнего Востока – в результате нарушена связь поколений. Все те знания, которые переходили от отца к сыну и далее к внуку, в новых условиях оказались не востребуемыми. Над ними стали насмехаться как над суевериями. Вследствие этого наши прадеды, деды и отцы столько нагрешили на этой земле, а отвечать за эти прегрешения приходится внукам и правнукам. Ведь сказано в Библии: «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня».

Прожитые годы уже не вернешь, а вот покаяться за них можно. Люди никак не хотят понять, что до тех пор, пока народ не созреет для покаяния и не начнет каяться, лучшей жизни у нас не будет.

Ведь до чего дожились. Человеку не с кем поговорить по душам, излить наболевшее, тогда и горе становится меньше. Всю жизнь мы куда-то торопимся, а остановиться и подумать над своей жизнью все как-то недосуг. Иногда делаем остановки на жизненном пути, когда теряем своих близких или друзей.

В нашей сегодняшней жизни у людей потеряны нравственные ориентиры. Не хотят верить в бессмертную человеческую душу. Человеческое тело возвели в культ, проводят непрерывно различные конкурсы красоты, тратят огромные деньги на их проведение, отрывают людей от Бога.

Большинство заболеваний, неудачи в жизни и на работе идут от «нечисти». Чтобы у вас все было хорошо, необходимо выполнять заповеди Божии, поститься и молиться. Все у вас будет восстанавливаться, только не сразу. Бог будет прощать ваши грехи, и у вас все наладится в жизни. Только над этим нужно трудиться, трудиться и еще раз трудиться. Само по себе ничто не изменится.

Притча о святом императоре Павле Петровиче

Не зря ведь наш век называют каменным из-за бесчувственности и каменных сердец людей. А ведь нашу сегодняшнюю жизнь и очень многое другое в будущем, в XVIII и XIX веках предсказывал монах Авель. Вот два рассказа из его предсказаний:

В зале был разлит мягкий свет. В лучах догоравшего заката, казалось, оживали библейские молитвы на расшитых золотом и серебром гобеленах. Великолепный паркет блеснул своими изящными линиями. Вокруг царили тишина и торжественность.

Пристальный взор Императора Павла Петровича встретился с кроткими глазами стоявшего перед ним монаха Авеля. В них, как в зеркале, отражались любовь, мир и отрада.

Императору сразу понравился этот, весь овеянный смирением, постом и молитвою, загадочный инок. О прозорливости его уже давно шла широкая молва. К его келии в Александре Невской Лавре шел и простолюдин, и знатный вельможа, и никто не уходил от него без утешения и пророческого совета. Ведомо было Императору Павлу Петровичу и то, как Авель точно предрек день кончины его Августейшей Родительницы, ныне в Бозе почивающей Государыни импе-

ратрицы Екатерины Алексеевны. И вчерашнего дня, когда речь шла о вещем Авеле, Его Величество повелеть соизволил завтра же нарочито доставить его в Гатчинский дворец, в коем имел пребывание Двор.

Ласково улыбнувшись, Император Павел Петрович милостиво обратился к иноку Авелю с вопросом, как давно он принял постриг, и в каких монастырях был.

– Честной Отец! – промолвил Император. – О тебе говорят, да я и сам вижу, что на тебе явно почиет благодать Божия (sic). Что скажешь ты о моем царствовании и судьбе моей? Что зришь ты прозорливыми очами о Роде моем во мгле веков и о Державе Российской? Назови поименно преемников моих на Престоле Российском, предреки и их судьбу.

– Эх, Батюшка-Царь! – покачал головой Апель.

– По что себе печаль предречь меня понуждаешь? Коротко будет Царствие твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей. В Страстную Субботу погребут тебя... Они же, злодеи сии, стремясь оправдать свой великий грех цареубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить память твою... Но народ русский правдивой душой своей поймет и оценит тебя и к гробнице твоей понесет скорби свои, прося твоего заступничества и умягчения сердец неправедных и жестоких. Число лет твоих подобно счету букв изречения на фронте

твоего замка, в коем во истину обетования и о Царственном Доме твоём: «Дому сему подобает твердыня Господня в долготу дней...».

– О сем ты прав, – изрек Император Павел Петрович. – Девиз сей получил я в особом откровении, совместно с повелением воздвигнуть Собор во имя Святого Архистратига Михаила, где ныне воздвигнут Михайловский замок. Вождю небесных Воинств посвятил я и замок, и церковь...

Зрю в нем преждевременную гробницу твою, Благоверный Государь. И резиденцией потомков твоих, как мыслишь, он не будет. О судьбе же Державы Российской было в молитве откровение мне о трех лютых игах: татарском, польском и грядущем еще – жидовском.

– Что? Святая Русь под игом жидовским? Не быть сему во веки! – гневно нахмурился Император Павел Петрович. – Пустое болтаешь, черноризец...

– А где татары, Ваше Императорское Величество? Где поляки? И с игом жидовским то же будет. О том не печалься, батюшка Царь: христубийцы понесут свое.

– Что ждет преемника моего, Цесаревича Александра?

– Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но тяжек покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы и праведным будет в очах Божиих.

– А кто наследует Императору Александру?

– Сын твой Николай...

Как? У Александра не будет сына? Тогда Царевич Константин...

– Константин царствовать не восхочет, памятуя судьбу твою... Начало же царствования сына твоего Николая бунтом вольтерьянским зачнется, и сие будет семя злоторное, семя пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая. Через сто лет после того оскудеет Дом Пресвятыя Богородицы, в мерзость запустения держава Российская обратится.

– После сына моего Николая на престоле российском кто будет?

– Внук твой, Александр Второй, Царем-Освободителем предначерченный. Твой замысел исполнит – крестьян освободит, а потом турок побьет и славянам тоже свободу даст от ига неверного. Не простят жида ему великих деяний, охоту на пего начнут, убьют среди дня ясного, в столице верноподданной отщепенскими руками. Как и ты, подвиг служения своего запечатлеет он кровью царственной...

– Тогда-то и начнется тобою реченное иго жидовское?

– Нет еще. Царю-Освободителю наследует Царь-Миротворец, сын его, а твой правнук, Александр Третий. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он.

– Кому передаст он наследие царское?

– Николаю Второму – Святому Царю, Иову Многострадальному подобному. На венец терновый сменит он корону

царскую, предан будет народом своим; как некогда сын Божий. Война будет, великая война, мировая... По воздуху люди, как птицы летать будут, под водою, как рыбы плавать, серою зловонной друг друга истреблять начнут. Измена же будет расти и умножаться. Накануне победы рухнет Трон Царский. Кровь и слезы напоят сырую землю. Мужик с топором возьмет в безумии власть, и наступит воистину казнь египетская.

Горько зарыдал вещий Авель и сквозь слезы тихо продолжал: А потом будет жид скорпионом бичевать Землю Русскую, грабить Святыни ее, закрывать Церкви Божии, казнить лучших людей русских. Сие есть попущение Божие, гнев Господень за отречение России от Святого Царя. О нем свидетельствует Писание. Псалмы 19, 20 и 90 открыли мне всю судьбу его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.